Иван Соловьев

ГОЛОСА ПОБЕДЫ

ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

ПРОСПЕКТ

Иван Соловьев

Голоса Победы. Военные рассказы

«Проспект»
2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Соловьев И. Н.

Голоса Победы. Военные рассказы / И. Н. Соловьев — «Проспект», 2025

ISBN 978-5-39-244868-5

Соловьев И. Н., российский писатель, государственный и общественный деятель, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, советник председателя Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск России. Данная книга — сборник художественных рассказов о Великой Отечественной войне и специальной военной операции. Из первой части сборника читатель узнает о первых минутах войны, поднимется в небо вместе с легендарным летчиком-штурмовиком, окажется на полях сражений Подмосковья поздней осенью 1941 года, а также с болью и содроганием увидит нечеловеческую жестокость эсэсовских карателей в одной из деревень на Псковщине. Книга открывает новые имена героев войны, а также эпизоды из недавно рассекреченных архивов спецслужб. История нашей страны едина, поэтому во второй части сборника перед читателем возникнут образы героев современности, которые с честью и достоинством, мужеством и героизмом выполняют заветы воинов Великой Победы — не допустить возрождения фашизма и беречь Родину как зеницу ока. Главные герои являются олицетворением времени, в котором им довелось жить и совершать поступки. Жизненные и боевые ситуации, описанные в рассказах, даруют их участникам, как очень точно поется в известной песне: «Кому бесславье, а кому бессмертие». Книга посвящена 80-летию Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и рассчитана на самый широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-39-244868-5

© Соловьев И. Н., 2025
© Проспект, 2025

Содержание

Часть I 7
Перед рассветом 7
Приказ 0299 13
Ополченец 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Иван Соловьев
Голоса Победы
Военные рассказы

* * *

© Соловьев И. Н., 2025
© ООО «Проспект», 2025

Часть I
Рассказы о Великой Отечественной Войне

Перед рассветом

– Холодком с реки потянуло, и трава дух дала, скоро темнеть начнет, так что смотри в оба, как товарищ старший лейтенант Руднев нам приказал, – командирский голос сержанта Прозорова, который был назначен старшим пограничного дозора, заступившего на дежурство в восемь вечера 21 июня 1941 года в береговом секрете на реке Западный Буг, звучал убедительно.

– Так бинокль у вас, товарищ сержант, – ответил рядовой Максим Климов, находящийся в академическом отпуске и призванный в армию студент московского иняза[1]. – Я реку-то хорошо вижу, а вот заросли на той стороне уже сливаться начали.

– Надо будет, я тебе бинокль дам, конечно, – отозвался Прозоров, – я собирался отползти покурить. В дозоре-то нельзя, но уж больно тянет. Патруль с собакой должен в 23 часа пройти через нас. Так что два раза покурить успею. Ты же не сдашь меня, а, Максим?

– Вы зачем так, товарищ сержант, я ж понимаю, хотите курить – курите, что сразу сдашь – не сдашь, – немного обиженно проговорил Климов.

– А вас, столичных, не поймешь, – с вызовом ответил Прозоров, – на первый взгляд вы вроде как из сердца нашей Родины, должны быть идейно подкованы и все такое прочее. А с другой стороны, разбаловали вас там. Метро, парады, театры, площади, музеи, парк культуры и отдыха…

– Я, если что, товарищ сержант, комсомолец, курсы по прыжкам с парашютом закончил, снайперский норматив выполнил, два языка потенциального врага начал изучать, так что времени в театр ходить у меня просто не было, а на парад как-то не звали пока, – чуть усмехнулся Климов. – Кстати, и не из Москвы я, а из Серпухова, это еще километров сто, почитай, от столицы.

– Ладно-ладно, – примирительно сказал сержант, – командир заставы что сказал? Правильно, обстановка тревожная. Враг стянул к нашей границе большие силы. Но это провокация. А на провокации поддаваться нельзя. Так что нам надо быть единым, этим, как его, орги…

– Организмом, – подсказал Климов.

– Во, организмом, – кивнул Прозоров, – а поэтому я в стороночку отползу и покурю в кулак, а ты держи бинокль и смотри в оба.

Напоследок сержант высунулся из-за мешка с песком, замаскированного зелеными ветками, осмотрел в бинокль гладь воды, скользнул взглядом по кустам на той стороне реки, потом наклонил голову, снял кожаный ремешок и бережно протянул прибор Климову.

Максим взял бинокль в руки и устроился поудобнее, намереваясь в предстоящие несколько минут, пока сержант курит, вдоволь насмотреться вдаль. Он приложил прибор к глазам и стал подкручивать колесики, фокусировки наводя четкость под себя.

Внезапно на том берегу он увидел входящего в воду человека. Судя по всему, он был без оружия, а на голове у него была военная пилотка. Оглядываясь на прибрежные заросли, он зашел в воду по пояс и медленно поплыл, завалившись набок и гребя одной рукой. «Очевидно, шума создавать не хочет», подумал Климов и машинально взглянул на часы – 21 час 27 минут. По расчетам Максима, к нашему берегу пловец должен был приплыть метров на сто пятьдесят

[1] С 1935 года – Московский государственный педагогический институт иностранных языков (МГПИИЯ).

выше по течению. Пограничник начал внимательно осматривать воду рядом с пловцом, вдруг кто-то плывет рядом, вдруг это диверсионная группа с той стороны. Он проверил, как заправлена пулеметная лента, и тихо передернул затвор у «Дегтярева»[2].

Ширина реки в этом месте была не очень большая, метров сто. Учитывая, что только-только начало темнеть, Максим четко увидел, что рядом с пловцом никого нет, он плывет один. По мере того как человек в пилотке приближался к середине реки, течение усиливалось, и его начало сносить ближе к тому месту, где в дозоре находились советские пограничники. После того как пловец пересек середину реки, Климов отметил для себя, что тот только что нарушил государственную границу Советского Союза.

– Ну что тут у тебя, тихо все? – неожиданно раздался голос сержанта Прозорова. На Максима повеяло крепким табаком.

– Да нет, не тихо, товарищ сержант, пять минут назад с той стороны в нашу сторону двинулся пловец, вот он, пересек госграницу и уже почти доплыл, смотрите, метров тридцать выше по течению, – доложил Климов.

– Как пловец, какой пловец, ты это чего говоришь? – выдавил из себя внезапно перешедший на шепот Прозоров, – почему не доложил, чего ты меня не позвал сразу…

– Так вы же сами курить уползли, товарищ сержант, я вас не заставлял же, – спокойно ответил Климов.

– Уполз, уполз, ты это… не говори потом никому, что меня не было тут, ладно? – попросил сержант.

– Не скажу, не переживайте. Что делать будем? Он через минуту на нашем берегу будет, – ответил Климов.

– Так, бери винтовку и идем к месту, где он причалит, будем арестовывать и доставлять на заставу, – приказал Прозоров.

Бойцы отползли в кусты и, поднявшись, перебежками двинулись вверх по реке. Впереди послышался звук ломающихся веток, и перед ними предстал немецкий солдат. С формы стекала вода, оружия при нем не было. Увидев пограничников, немец заулыбался, замахал руками и начал быстро говорить:

– Mein name ist Alfred, gefreiter Alfred Liskov. Ich bin ein freund, ein kommunist.

– Че это такое он говорит, а, Максим, че он тараторит? – спросил Прозоров, передергивая затвор винтовки.

– Он говорит, что его зовут Альфред, ефрейтор Альфред Лисков. Он друг, коммунист, – нахмурившись, ответил Климов. – Сейчас я его попрошу медленнее говорить, а то не все понимаю.

– Sprechen sie bitte langsamer, – сказал он немцу.

– Oh, sie verstehen deutsch, wie gut, – еще шире заулыбался немец.

– Говорит, хорошо, что я понимаю немецкий, – начал переводить Климов. – Ему нужно сказать Сталину важную вещь. Ничего себе… Так вот, он говорит, что пролетарий, работал столяром на мебельной фабрике. Он за равенство и братство. Он звал немецких рабочих на баррикады против власти капитала. Он – вождь немецких коммунистов, а ночью будет война. В три часа у них команда идти через реку и завоевать советское государство. Он не хочет воевать с нами. Он за коммунизм во всем мире! Просит сказать товарищу Сталину, что через шесть часов будет война!

– Эка чего удумал, к самому товарищу Сталину его доставь… – крякнул Прозоров. – Точно провокатор, нас товарищ старший лейтенант предупреждал. Надо его в любом случае на заставу доставить. Наши его допросят или в психушку отправят, а может, и назад вернут. Ты, это… Давай бери его и конвоируй на заставу. Сдай, и сразу назад, понял приказ? Повтори.

---

[2] Ручной пулемет Дегтярева ДП–27 (Дегтярев пехотный), калибр 7,62 мм.

– Есть доставить задержанного на заставу и сразу обратно, – четко доложил Климов.

– Я пойду обратно, ты скажи там, что сержант Прозоров остался в дозоре, границу блюдет, – добавил старший наряда.

Тот кивнул и пригласил немца идти за ним. Тот, не прекращая улыбаться, посеменил за пограничником. Вспомнив инструкции, которые они по многу раз проходили на занятиях по боевой подготовке, Климов жестом показал немцу идти вперед, а сам, подняв винтовку, начал конвоировать перебежчика в сторону заставы.

Климов вернулся на их пулеметную точку в половине первого ночи. Бледный и взволнованный.

– Ну что, сдал чудика? – спросил истосковавшийся по куреву Прозоров.

– Так точно, товарищ сержант, сдал, – ответил Климов.

– Ну?

– Что ну?

– Чего это я из тебя клещами все вытаскивать должен, а? – раздраженно спросил сержант. – Что там рассказал немец, что наши решили?

– Немец много чего рассказал, мне переводить пришлось… – задумчиво сказал Климов.

– Ну не тяни ты…

– Да я не тяну. Похоже, правду сказал перебежчик. На той стороне сконцентрировано огромное количество войск. Много танков. Им вчера вечером заправили полные баки. Всем полный боекомплект выдали и сухой паек. Приказ ночью начинать, – вздохнув, ответил Максим.

– Что начинать? – не понял Прозоров.

– Войну, товарищ сержант, войну, что ж еще? – махнул рукой Климов. – Только мне запретили об этом рассказывать. Но раз уж мы вместе его брали, то вам можно. Наверное.

– Как войну?! Нет, не может быть войны, нам же говорили, что у немцев другие планы, – опешив, проговорил Прозоров.

– Выходит, что как раз эти у них планы. В 3 часа ночи должны начать, это в 4 утра по нашему времени. Так что три с чем-то часа у нас есть, – взглянув на часы, сказал Климов. – Мне вот ракетницу дали, сказали, если вдруг начнется, дать красную ракету в сторону заставы. Они там уже оборону готовятся занимать.

– А товарищ старший лейтенант наверх доложил? – обеспокоенно спросил сержант.

– Конечно. Как я перевел все, он пару вопросов задал, а дальше по команде передал, – начал рассказывать Климов. – Потом, минут через тридцать, нам генерал какой-то звонил. Он тоже вопросы задавал, я переводил. Там и про номера частей было, и про то, как себя офицеры вели, и про связь, и про понтонные переправы через нашу реку, про снабжение. Короче, много чего. И по всему выходит, что они полностью готовы. Вот так.

– Ничего, пусть только попробуют сунуться, мы их дальше заставы не пустим, а дальше погоним врага вглубь его территории. Задушим гниду на их же земле, – возбужденно сказал Прозоров, – так товарищ Ворошилов нас учит. У нас там на заставе 40 человек личного состава, пулеметы, гранаты. А за спиной у погранзаставы стоит стрелковый батальон капитана Сазонова, а также личный состав оборонительных сооружений укрепленных районов. Это ж какая силища!

– Не поспоришь с товарищем Ворошиловым, – согласился Климов.

– То-то. А нам с тобой великая честь выпала – начать бить врага прямо на границе нашей Родины! – проглатывая окончания слов, выпалил Прозоров. – Если, конечно, все это правда…

– Так недолго ждать осталось, товарищ сержант, – взглянув на часы, сказал Климов.

– Так, давай, ты гляди в оба, вот бинокль, – Прозоров протянул рядовому заранее снятый с шеи прибор, – а я отойду, покурю… Да и живот чего-то прихватило.

– Вот и немец-перебежчик рассказал, что у них половина солдат с вечера по кустам гадят… А генерал наш после этой новости совсем серьезный стал, – неожиданно для себя сказал Климов.

Шел третий час ночи.

– Темень, хоть глаз выколи, – тихо проговорил сержант Прозоров. – Слышь, Климов, ты хоть что-нибудь видишь?

– Конечно, вижу, товарищ сержант, – вон звезды какие яркие, а луна, луна и вправду маленькая, не очень освещает. Мы проходили в кружке по астрономии, когда совсем маленький кусочек видно – это убывающая луна называется, скоро новолуние должно быть, – прошептал в ответ Максим.

– Какой ты умный, ни дать ни взять Менделеев, – заметил Прозоров.

– Менделеев химиком был. Говорят, что рецепт водки придумал, – чуть улыбнувшись, ответил Климов.

– Вот я и говорю, умный. Даже шибко умный. А водку народ придумал, ты своего Менделеева сюда не приплетай, – с небольшим вызовом проговорил Прозоров, – ишь что придумал… Выучат вас на свою голову, а вы потом с панталыку людей сбиваете, небылицы разные рассказываете. Этот Менделеев, небось, помещиком был, крестьян мучил. Для царя придумывал всякие формулы там и растворы. А рабочему классу с этого чего было? Правильно, ничего. Дуля.

При этом Прозоров сложил пальцы левой руки в большую фигу и потряс ею у лица Климова.

– Да не был Менделеев помещиком и рабочих не обделял. Он ученый был, его таблицей весь мир пользуется, – стал терпеливо разъяснять Климов.

– Ты это… заканчивай мне тут контрреволюционные разговорчики. Мы с тобой пограничники, стоим на страже рубежей нашей Родины. Находимся в дозоре, на переднем, так сказать, крае. От нас с тобой до заграницы считай метров сто по речке, и все. И враг может напасть с минуты на минуту, сам же сказал. Да… Я бы водочки сейчас бы выпил. И закусил. Взял бы капусточки квашеной, хлебушка деревенского, шмат сала, лук зеленый, соль… И щей суточных. Ох, как у меня бабушка эти щи готовила. В печи. И хлебушек там пекла.

– А мама? – спросил Климов.

– Что мама?

– Мама не готовила?

– Не… Меня бабушка воспитывала. Мамка в 33-м уехала Днепрогэс строить. Вроде как с хахалем своим на заработки в Днепрострой записались. Но потом оказалось, что они на Харьковщине на сезонных работах были. Оттуда письмо пришло бабушке. А дальше и вовсе весточек не было несколько годков. Потом из милиции приходили, расспрашивали, что да как, не приезжали ли… Че я все про себя да про себя. У тебя, небось, и мать, и отец есть?

– Мама только. Отец умер в прошлом году. Болел, – Климов поджал губы и затих.

– Да ладно, расскажи, мы же боевые товарищи с тобой, – попросил Прозоров, – я же тебе все как на духу рассказал.

– Опухоль у него нашли, – проговорил Максим, – в больницу отвезли, разрезали, удалить хотели, а там уже по всему телу эта зараза расползлась. Вот эти врачи и не стали ничего делать, зашили и домой выписали. Ему сказали, что все хорошо, а матери по секрету – что жить ему осталось месяц-два.

Мама проплакала ночь, а потом пошла по знакомым и незнакомым людям узнавать, как лечить батю. Какие-то травки достала, все верила, что это поможет. Я уже тогда отдельно жил в общежитии, в Москве. Но решил последние дни с отцом быть. Взял все чемоданы и приехал.

– А зачем чемоданы-то тащил? – удивился Прозоров.

– Как зачем… Я отцу сказал, что в Серпухов учиться перевелся, чтобы поближе быть, маме помогать, пока он не выздоровеет. Поэтому со всеми чемоданами и вернулся, чтобы батя не почувствовал и даже подумать не мог, что я совсем ненадолго…

– Да-а-а… Я бы, честно говоря, и не додумался, – отозвался сержант. – И что?

– Что-что… Умер батя через три дня, мучился сильно, больно ему было, – переведя дыхание, ответил Климов, – но он офицер был, зубы сжимал, пока в сознании был, а уж потом… На третий день схоронили его, я обратно учиться поехал. Он мне всегда говорил, что надо учиться, чтобы в люди выйти. Языки знать хорошо. За этим, говорил, будущее. Кто языки будет знать, тот всегда себе на кусок хлеба заработает. А то и вовсе какую-нибудь важную для страны работу получит. Но я после третьего курса решил в армию пойти. Не знаю, просто решил, и все. Наверное, в память об отце. Военком у нас городской – бывший батин знакомый, вот и подсобил распределиться в пограничники. Я академический отпуск взял. Вернусь, доучиться надо будет.

Максим отвернулся и украдкой смахнул слезы, которые градом покатились из его глаз.

– Доучишься, куда ты денешься, – ответил Прозоров. – А бабка моя аккурат к 23-й годовщине Октября преставилась, в ночь на 7 ноября. Мы только в части торжественное собрание провели, к вечернему концерту готовились, а тут вызывают меня к командиру. Вот, мол, так и так, отпуску тебе десять дней. Похоронить и вернуться. Ну я собрался и поехал. Тютелька в тютельку к похоронам успел. Хорошо, соседки ее омыли, приодели, как живая в гробу лежала. Они ей иконку в руки вложили, совсем темные старухи…

Сержант замолчал, вспоминая что-то свое. Молчал и Климов, перебирая в памяти совместную с отцом рыбалку, походы за грибами, строительство лодки и первую книгу, которую ему подарил батя.

– Так, три пятьдесят пять… – прошептал Прозоров, – что у нас с тобой в наличии? Смотрим, ручной пулемет Дегтярева, две пятизарядные винтовки Мосина. По четыре ручных гранаты. Штык-ножи. Лопатка.

– Чего это вы, товарищ сержант? – удивился Климов.

– Да ничего, думаю, как распределить все это, чтобы, ежели что, оборону эффективно организовать, – ответил Прозоров. – Значит, так, я за пулемет лягу, а ты вот с двух винтовок будешь стрелять. Гранаты давай приготовим. Чтобы все под рукой было. Сколько у нас дисков запасных? Два. Негусто. Так, диски по правую руку положим. Думаю, мы плотным огнем отпугнем их. Это ж какую наглость надо иметь, чтобы через нашу границу полезть!

– Светает уже, – подняв голову к небу, – сказал Климов, – может, и обойдется…

В этот момент на противоположной стороне реки раздался шум множества моторов. Через минуту сквозь листву стал пробиваться желтый свет десятков мощных прожекторов. Наконец, вплотную к берегу подъехали танки и грузовики, на которых и были установлены световые установки. При этом к воде в быстром темпе начали подбегать немецкие солдаты, которые на руках несли надувные резиновые лодки. По свистку командира они разом опустили лодки в воду, погрузились на них и молча начали грести в сторону советского берега.

– Вот и началось… – сглотнул слюну Прозоров, – как тараканы посыпались… Так, до середины реки подпускаем их и, как только пересекут, ждем пять секунд и открываем огонь, я скомандую, понятно?

– Понятно, товарищ сержант, – тихо отозвался Климов. – Да сколько же их? По всей реке плывут. Я ракету даю.

– Тих, погоди, вдруг до середины доплывут и обратно повернут, – предположил Прозоров.

Но лодки довольно быстро приблизились к середине реки, пересекли ее, а немецкие солдаты только сильнее налегли на весла.

– Давай ракету, мать их!.. – прокричал Прозоров. – По нарушителям государственной границы Союза ССР огонь!

Он прицелился и открыл огонь из пулемета. Первая короткая очередь легла в воду с существенным недолетом. Тогда сержант приподнял ствол пулемета и дал следующую, уже длинную очередь. Она пришлась точно в цель. Стоявший на одном колене на корме лодки унтер-офицер, вскинув руки, отлетел назад, упав на сидевших за его спиной солдат противника. Досталось и соседней лодке, в ней кто-то вскрикнул, а потом повалился за борт с характерным всплеском воды.

Климов старался не отставать от командира. Несмотря на то что прожектора с противоположного берега изрядно слепили, он взял на мушку гребца в каске, сидящего спиной, и выстрелил. Он отчетливо увидел, как тот дернулся и завалился набок.

«Лиха беда начало – так, кажется, дед говорил», – вспомнил Максим. Теперь стрелять было легче. Он просто наводил прицел на лодку и стрелял. Промахнуться было трудно, так как немецкий десант буквально набился в лодки.

В этот момент с противоположного берега по ним ударили три миномета. Это был легкие пятидесятимиллиметровые минометы Granatenwerfer 36, которые советские пограничники с изрядной долей любопытства изучали на совместных военных сборах с немцами еще весной.

Первые разрывы легли за кустами, в поле, по которому проселочная дорога вела в село, а оттуда к заставе. К этому времени Прозоров уже отстрелял первый диск и, сняв его, крепил к пулемету новый. Боковым зрением Климов видел, что лодки, плывущие выше и ниже по течению, вот-вот достигнут берега.

«С тыла обойдут», – подумал Климов, и в этот момент второй залп из минометов лег уже совсем близко. Их вжало в землю и обдало целой кучей черной и теплой земли, которая довольно сильно пахла порохом.

– По расчетам бей, по минометным! – крикнул Прозоров.

– Понял, попробую, – отозвался Климов и стал наводить винтовку на противоположный берег.

В промежутках между прожекторами он увидел минометные стволы, вытянутые в их сторону, и стал ловить в прицел очертания копошащихся около них человеческих тел. Выстрел – мимо, все остались на месте. Климов быстро перезарядил винтовку, прицелился, снова выстрелил. Склонившаяся над стволом миномета черная фигура дернулась и упала.

«Вот так вам», – удовлетворенно прошептал он. В это время слева без остановки работал пулемет. Прозоров фактически в полные лоскуты разметал четыре лодки, которые оказались в его секторе обстрела. В двадцати метрах от нашего берега плавали тела убитых врагов, кто-то из раненых пытался грести обратно.

– Ага, гады, побежали! – в азарте прокричал Прозоров. – Глянь, Максимка, драпают натурально, ща наши подтянутся…

В этот момент третий минометный залп пришелся практически в то место, где находились наши пограничники. Все потонуло в сплошном грохоте, а яму, которая служила Прозорову и Климову окопом, завалило землей.

Приказ 0299

– Вот скажи мне, скажи… Что ты за человек, Толстопузов, а? Чем тебе приказ товарища Сталина не нравится, чем тебе это не руководство к действию?

– Вы, товарищ подполковник, зря такими обвинениями кидаетесь. Мне все, что выходит из-под пера нашего великого вождя и учителя товарища Сталина, вот тута вот, – кадровик Толстопузов приложил кулак к груди с левой стороны и начал неистово тереть им.

– Ты бы аккуратнее тер, что ли, не повреди себе чего и гимнастерку не протри, а то некуда будет новый орден прикручивать, – стараясь не показать издевку, как бы на полном серьезе посоветовал подполковник Хомутов, командир 568-го штурмового авиационного полка.

– И прикручу, уж поверьте, придет время, еще как прикручу. Я тут не там. Я важную работу выполняю круглые сутки. Я тут порядок блюжу, то есть блюду. Чтобы все по закону было. Да если бы не я!.. – зашелся в крике Толстопузов. – Если бы не я, если бы не мы с товарищами из особого отдела армии, вы бы тут столько врагов пропустили, да еще наград им бы навешали!

– Так, все, успокойся, а то задохнешься еще ненароком, – примирительно начал Хомутов. – Объясни мне, почему не пропускаете наградной на Костю Агрба? Я приказ Народного комиссара обороны «О порядке награждения летного состава Военно-воздушных сил» от 18 августа 1941 года наизусть знаю. За 10 сбитых самолетов противника или 40 боевых вылетов я вправе представлять летчика к званию Героя Советского Союза. А у него в разы больше, понимаешь, Толстопузов, не просто больше, а в разы больше.

– А потому что там приписка имеется важная, – вмиг успокоившись, ответил кадровик, открывая сейф и беря в руки папку с надписью «Секретно». – Так… Вот что приказ предписывает… А предписывает он, что во всех случаях результаты и эффективность выполнения штурмовых действий должны быть подтверждены командирами наземных частей или разведкой.

– И что? Мы каждый вылет фиксируем, каждый сбитый самолет документируем как минимум из двух источников. У Кости 124 боевых вылета, ты понимаешь, что это такое? Боевых! Это значит, что он 124 раза мог не вернуться. 124 раза он уходил на задание как последний раз. Он дерзкий и отважный парень. Он врага всем сердцем ненавидит. У него авторитет, в конце концов, в полку. А сбитые самолеты, десятки единиц уничтоженной наземной техники и сотни фрицев?

– А что он, сирота, этот твой Костя? – опять начал повышать голос кадровик. – У него в 42-м и «Красное знамя», и «Красная звезда», в 43-м «Отечественной войны» первой степени, «Александр Невский» – вся грудь завешана.

– Так по делу же, Витя, по делу! – вскричал Хомутов. – Немного кто три года провоевал на боевых вылетах и жив до сих пор! У него опыт уникальный, он мне молодежь необстрелянную одним своим видом воспитывает. У нас почти все мечтают с ним в паре или в одной группе летать.

– Так он у тебя на «горбатом»[3] летает, там чего особенно геройствовать – сел, полетел, отбомбился, отстрелялся и обратно прилетел. Летающий танк, одним словом, – отмахнулся Толстопузов.

– Ты совсем охренел, майор? – взревел Хомутов. – Давай я тебя завтра на нем отправлю полетать, чтобы ты мне хоть одного фрица убил, а? Да на этом тяжелом и неповоротливом «танке» мои ребята в хлам целые колонны разносят. А у них даже спина не защищена. Бронеспинка смех один. До недавнего времени даже бортового стрелка у них не было, понимаешь,

[3] Штурмовик Ил–2, один из символов Великой Отечественной войны.

что к чему? Поэтому, когда «мессер» в хвост заходит, там шансов мало, а у необстрелянных их ноль. И прикрытие из истребителей не всегда есть возможность предоставить. Так что заткнись про самолеты. То, что у тебя фуражка синяя, еще не значит, что ты понимаешь, о чем говоришь.

– А я в «Красной звезде» читал, что наши «Ил вторые» сейчас полностью доработаны, и товарищ Сталин ими доволен, так что жалобы ваши – это какое-то упадничество и нытье, и хорошо, если не провокационное, – прищурился Толстопузов.

Подполковник Хомутов оглядел кадровика с ног до головы, сжал и разжал кулак, потер подбородок, смачно плюнул ему под ноги и, развернувшись на одном каблуке, быстро вышел на улицу.

Зайдя за угол штабного здания, он перепрыгнул через довольно большую лужу. Шел сентябрь, и дожди уже вовсю подмочили дороги, а густая листва прилично пожелтела. Трясущимися руками Хомутов полез в карман галифе и вынул папиросы. Опрокинув пачку, он лихо достал довольно редкий на фронте «Казбек», чиркнул спичкой и глубоко затянулся. Хомутов не был заядлым курильщиком до войны, так, баловался, скорее, для того чтобы казаться более мужественным и не маяться бездельем во время перекуров.

Первые два месяца войны начисто смели все запасы папирос и махорки. Табак давали только боевым частям, и то по 20 грамм в день. Он спокойно переносил его нехватку, отдавая свою норму своему командиру, который без табака становился раздражительным и все время тер уши, утверждая, что они у него «аж заворачиваются, как курить хочется».

Постоянный недосып и потери боевых товарищей незаметно сделали папиросы неким подспорьем, с помощью которого можно было когда надо отвлечься, а когда надо – сосредоточиться и иногда расслабиться, а после боевых «ста грамм» даже удариться в мирные воспоминания под струящийся ароматный дымок.

«Вот черт пузатый, второй раз мне заворачивает наградной лист на Костю, и ведь не пробьешь ничем… Недаром дружбу с „особистами“ водит. Надо с капитаном сегодня еще раз поговорить, может, есть что в его биографии, что мешает награждению. Хотя… Если бы было, он бы вообще ничего не получил бы… Ладно, надо нам с комдивом его вызвать и поспрошать еще раз, что да как, может, поймем чего», – мелькали в голове мысли.

На следующий день капитана Киазима Агрба вызвали к командиру 231-й штурмовой авиадивизии полковнику Чижикову. Вместе с комполка Хомутовым они сидели за дубовым столом, который притащили авиатехники из полуразрушенного здания заготконторы, пили чай и листали личное дело летчика.

– Кость, проходи, садись, чай себе наливай, не стесняйся, – начал разговор комдив.

– Спасибо, Леонид Петрович, я постою, – ответил летчик.

– Нет, разговор у нас долгий будет, так что присаживайся, – распорядился Хомутов. – И потом, если старшие приглашают, надо соглашаться, так у вас в Абхазии принято?

– Да, так принято, – чуть покраснел капитан и присел на краешек скамьи.

– Вот скажи мне, у тебя по документам имя – Киазим, – начал Чижиков, – а почему тебя Костей все называют?

– Так это еще с Северо-Западного фронта началось. Я тогда был направлен во 2-ю ударную авиагруппу Ставки Верховного главнокомандующего, – начал объяснять Киазим, – только младшего лейтенанта получил. Когда командир приказ зачитывал, два раза сбился и после этого Костей меня стал называть. Так и прижилось.

– Редкое имя, – кивнул Хомутов.

– Да, говорят, что у кельтов такие имена были и у африканцев. А наш народ такой восприимчивый, разные редкие имена берем. А у арабов Кязим значит «молчаливый», «спокойный». Тот, кто может сдерживать свой гнев. А у моего отца тоже редкое имя – Хотхот. Хот – это «долгожданный».

– Ну вот и расскажи нам с товарищем полковником о себе, подробно, не спеша, как говорится, с толком, с чувством, с расстановкой, – попросил Хомутов.

– Не спеша, что ж, можно и не спеша… Я родился в 1916 году в селе Джирхва Гудаутского района Абхазии. Мой отец из крестьян, семья многодетная. Жили небогато, совсем небогато. Рос как все, школу-десятилетку закончил. О небе с восьмого класса мечтал. В 1936 году с двумя односельчанами поехали в Москву. Хотели поступить в авиационную школу.

Но первый раз не вышло у меня ничего, конкурс не прошел, не хватило баллов. Поэтому поступил в Московский планово-экономический институт, параллельно удалось записаться на летные курсы ДОСААФ. Через год еще раз попробовал. Сильно готовился. Сдал вступительные экзамены, и меня зачислили в военно-авиационное училище в Энгельсе. Как раз в начале июня 1941 года у нас выпуск был. Учился хорошо, наверное, поэтому меня оставили преподавателем школы. Но я каждую неделю рапорта писал командованию, просил на фронт отправить. Сначала немного меня ругали за это, но потом откомандировали на Северо-Западный фронт.

– И ведь неплохо воевать начал, – полковник Чижиков отхлебнул чай из стакана и перевернул страницу личного дела офицера. – «В апреле 1942 года младший лейтенант Агрба за проявленное мужество и героизм был награжден орденом Красного Знамени. За 8 боевых вылетов уничтожил до 200 вражеских солдат, 5 зенитных орудий, 3 зенитных пулемета, 2 автомашины с боеприпасами и людьми. За 1 штурмовой вылет уничтожил 1 транспортный самолет и 5 вагонов с грузом. 8 апреля 1942 года при выполнении боевого задания сбил 2 самолета Ю–52 противника. 29 апреля награжден орденом „Красная Звезда“». Ты же горел даже?

– Да, было такое, уже в 43-м. В том бою я «мессера»[4] сбил… Я его погонял немного, вот он сам и подставил брюхо. Но я пока за ним шел, мне с земли зенитной артиллерией сильно фюзеляж и крылья повредили. Двигатель начал подгорать, я тянул домой как мог. Пламя сбил, планировал. Дошел, ребята не верили потом, когда на машину посмотрели. Там живого места не было.

– Мы его потом замом командира авиаэскадрильи назначили, товарищ полковник, – проговорил Хомутов, – я настоял. Авторитет Костя уже ого-го какой заработал, хоть и 28 лет ему сейчас. С достоинством себя вел, опыт приобрел, командирские навыки для молодых летчиков – не поспоришь. А потом и вовсе о нем по всей дивизии заговорили. Летом вел группу из шести «горбатых», был сбит, получил осколок в голову. Прыгнул, хорошо, свои подобрали. Казалось бы, лежи в госпитале, лечись, пайковый шоколад кушай, спиртом запивай. Так нет, на второй день открывается дверь, смотрю – глазам не верю, там Костя стоит. Голова перемотана, глаза сверкают, говорит, летать хочу, когда новую машину получать? Я рану его посмотрел, там только-только кровь сочиться перестала. Обратно наотрез отказался возвращаться. Так и остался в части.

– А что такого, товарищ подполковник, – тихо произнес Киазим, – осколок-то вынули. А царапина, она зажила у меня быстро. Чего с ней в госпитале лежать… Тем более полк передислоцироваться тогда собирался. Где бы я вас потом искал?

– Посмотри на него, чисто ребенок, – хлопнул по столу комдив, – не нашел бы потом свой полк… Да с твоим опытом, Костя, мы бы тебя сами нашли! Ты мне вот что поясни, вы случайно с майором Толстопузовым нигде не закусились? Может, было чего такое, чего мы не знаем. Просто мы на тебя второй наградной подали, а в ответ – тишина полная. Толстопузов говорит, что начальство без движения оставляет, мол, каких-то подтверждений твоих подвигов не хватает. Я лично так не привык, раз подпись ставлю, значит, за каждую букву в наградном отвечаю…

[4] Немецкий истребитель Messerschmitt Bf 109.

Полковник с досады как следует дал кулаком по дубовому столу, отчего стоявшие по краям гильзы, переделанные в ночные светильники[5], с железным грохотом повалились на пол.

– Нет, товарищ полковник, ничего такого не было, – тихо ответил Киазим.

– А вот у меня другая информация, Кость, – вступил в разговор подполковник Хомутов. – Я как твой непосредственный начальник догадываюсь, откуда ветер дует. Где-то месяца четыре назад к нам писатель московский приезжал, а с ним и несколько артистов. Ну а где высокое искусство, там, конечно, и несколько человек со штаба армии. А что, дело-то веселое. Везде кормят, принимают, баньку сооружают. Все лучшее на стол… Но не в этом дело. Вот тогда мы стол накрывали, а Костю тамадить[6] посадили. Он же мастер, лучше не сыщешь. Ну, он темп хороший взял, и гости наши уже через час были очень даже хороши.

– Да, я помню, жаль, не доехал тогда до вас, – подтвердил полковник.

– Ох, мы вас как ждали, как ждали… Ну так вот, во время очередного перекура Толстопузов так разомлел, что слишком громко стал нашей Катюше, ну Катерине Матвеевне, которая в связистках у нас, предлагать всякие вещи там не очень…

– Сколько вашей Катерине годков? – строго спросил полковник Чижиков.

– Так две недели назад ей тридцать три справили, – тут же ответил Хомутов.

– Так девчонка молодая, а вы: Катерина Матвеевна, Катерина Матвеевна… Да у нас в деревнях так звали тех, кто уже давно замужем и как минимум троих родили, – улыбнулся Чижиков.

– Была у Кати семья в Ленинграде. Муж еще в начале 42-го погиб, а вот мать с отцом и двое детей в городе остались. Она после его гибели на фронт рвалась, курсы связистов окончила, к нам попала, – начал рассказ Хомутов.

– А что семья? – спросил Чижиков.

– Умерли все. От голода. Сначала дед, потом дети. Мать ее последняя осталась, письмо ей написала, да отправить не успела. Соседка потом переслала. Катерина после этого за ночь поседела вся, только одна прядь русая осталась… Все просилась бортовым стрелком. Да где там… А кто за связь отвечать будет?

– И то верно, на другое ведь учили ее… – согласился Чижиков, – и что этот Толстогузов…

– Подвыпил хорошо, ну и взыграло у него. Начал Катерину клеить. А она нам как дочка, понимаете? – спросил Хомутов у комдива.

– Понимаю я все. Не дурак. Почему мне не доложили? Я бы командарму так это преподнес, что пошел бы этот кадровик в штрафбат, – твердо ответил полковник.

– Да не хотели мы выносить этот сор из избы, начали бы Катерину таскать, полоскать… Незачем это. А тогда Костя аккуратно взял его под локоток, чуть в березки отвел, объяснил, что и к чему, – ответил Хомутов, – майор вернулся почти протрезвевшим, но белого цвета. Кость, ведь ты же сказал, что все вежливо было?

– Все было, как вы сказали, товарищ подполковник, – коротко ответил Киазим.

– Теперь мне понятно все, – покачал головой Чижиков, – как это так… Младший по званию посмел самому майору Толстопузову поперек горла встать. А он нам на положения приказа Верховного ссылается. Ни при чем тут приказ Совсем в другом тут дело. Надо будет командарму неспеша все это рассказать…

В этот момент дверь широко открылась и в помещение вбежал дежурный:

– Товарищ полковник, разрешите доложить, – выпалил он на одном дыхании, – лейтенант Гиззатуллин в паре с Кондратьевым с задания возвращался… Короче, они высоко забрались и

[5] Как правило, для этого использовались гильзы от орудий калибром 45 мм. Верхняя часть гильзы сплющивалась, сюда же зажимался кусок материи или фитиль, а внутрь заливался керосин.

[6] Быть тамадой, вести застолье.

вот оттуда и увидели, что в нашу сторону три звена[7] по четыре «Юнкерса»[8] идут. Их шестерка «мессеров» прикрывает. Похоже, по нашу душу, но, может, и мимо.

– Команда – по самолетам, на вылет всем, кто летать умеет! – решительно передал приказ комдив.

– Я тоже летать умею, товарищ полковник, – отчеканил Киазим и выскочил из штаба.

– Костя, постой, куда ты, успеешь… – крикнул вслед Хомутов, но, поняв, что капитан уже далеко, в бессилии махнул рукой.

Киазим обогнул накрытое защитной сеткой здание штаба, пробежал вдоль небольшого перелеска и выскочил на край казавшегося необъятным зеленого поля, на котором стояли самолеты. К некоторым из них уже подбежали несколько летчиков с механиками, отбрасывая брезентовые чехлы и наскоро отбрасывая парковочные стальные треугольники из-под колес авиамашин.

Капитан Агрба искал глазами свой Ил–2 и с облегчением увидел своего механика Саныча, который, периодически задирая голову вверх, трусцой подбегал к самолету. Летчик прибавил скорость и уже через пару минут с ходу выхватил из рук механика шлемофон, вспрыгнул на крыло и открыл стекло кабины.

– Костя, товарищ капитан, а парашют, тут еще полевая сумка ваша… Куда без них-то? – начал причитать Саныч.

– Дорогой мой, некогда, слышал – 12 штук «юнкерсов» к нам подходят, – ответил Киазим, но сумку взял и быстро надел протянутый ему ранец с парашютом.

– От винта, поехали, дорогой! – прокричал летчик, запрыгнув в кабину и прокрутив несколько кругов большим пальцем.

Саныч начал вращать винт и, почувствовав, что мотор вот-вот схватит и начнет набирать обороты, отскочил в сторону. Вырулив на взлетную полосу, самолет слегка дернулся и стал набирать скорость.

Взмыв в небо, Киазим огляделся и вскоре увидел пару самолетов из соседнего звена, которые взлетели раньше него, а через полминуты его обогнали три наших истребителя Ла–5[9]. Впереди шел бой. Заметив наши самолеты, противник недолго держал строй. Сначала находящиеся в сопровождении «Мессершмитты» пытались оттянуть наши атакующие самолеты на себя, но после того как два из них были сбиты, строй тяжелых «Юнкерсов» распался. Тем не менее они продолжили свое движение к намеченным целям.

Киазим, крутанув в воздухе довольно длинную петлю, вышел в хвост одному из «Юнкерсов». Поймав в прицеле вражеский самолет, он дал короткую очередь. Со временем Киазим научился беречь боекомплект. Начинающие летчики, стреляя длинными очередями, могли в самом начале атаки израсходовать почти весь запас, отчего потом им приходилось выходить из боя. Они не учитывали тот факт, что все оружие на борту имеет одинаковую прицельную дальность, а выпущенные боеприпасы летят по одной траектории. Опытный летчик чувствовал, как и сколько нужно жать на гашетку, понимая по положению и скорости противника, куда могут лечь пули и какой вред нанести.

Вот и сейчас, пролетев мимо подбитого врага, Киазим увидел, как задымился двигатель, а судя по отсутствию попыток выровнять самолет, немец был тяжело ранен или убит. Поднявшись чуть выше в небо, наш летчик увидел, что строй врага окончательно распался, а несколько тяжелых бомбардировщиков нацистов, так и не отбомбившись, начали удирать назад. Выбрав

[7] Звено из четырех самолетов (нем. Schwarm) – базовая единица люфтваффе.

[8] Немецкий бомбардировщик Junkers Ju 88.

[9] Ла–5 – советский одномоторный истребитель, созданный в 1942 году ОКБ–21 под руководством С. А. Лавочкина в Горьком. Производился с июля 1942 года.

себе цель, Киазим направил свой самолет за ней. Судя по скорости, немец ретировался на всех парах.

Поскольку тяжелого боекомплекта на советском самолете не было, расстояние между врагами вскоре стало сокращаться. Пролетев еще несколько минут, «Юнкерс» неожиданно начал уходить влево и снижаться. «Уйти хочет на низкой высоте», – подумал Киазим. Он заложил вираж, надеясь, что за счет быстрого сброса высоты сократит расстояние с противником до малого, чтобы обеспечить нужную плотность огня.

По мере приближения к земле контуры объектов, расположенных внизу, становились более отчетливыми. Киазим увидел, что на него нацелены два расчета зенитной артиллерии немцев. «Вот почему он меня к земле повел, знал, гадина, где сможет меня под их огонь подставить», – понял капитан.

В этот момент самолет сотрясли несколько прямых попаданий. По инерции наш Ил пролетел над позициями зенитчиков, а летчик потянул рычаг на себя, стараясь уйти в набор высоты. В первый момент машина отозвалась на команду, и штурмовик стал медленно уходить вверх. Но тяга была не та, а из двигателя валил дым. В кабине почувствовался сильный запах керосина. Киазим четко знал, что это плохой признак, топливо в любой момент могло загореться. В голове замелькали мысли: «Что делать? Пытаться покинуть самолет? Но внизу территория, занятая врагом. Шансов выжить практически нет. Да и в плен я никогда не сдамся».

Внезапное спокойствие охватило его. Осмотревшись, капитан Агрба заметил внизу немецкий бензовоз, а вокруг него несколько ожидавших заправки танков.

Он повернул самолет в сторону выбранной цели и направил его к земле. «Получайте, фашисты, абхазский подарок», – успел прошептать Киазим до того, как его горящий самолет с диким ревом врезался в скопление боевой техники врага.

Про тот сентябрьский воздушный бой 1944 года еще долго ходили легенды, а все три эскадрильи 568-го штурмового полка нанесли на свои самолеты надпись «За Киазима».

Ополченец

– Понимаешь, Наденька, ну как я останусь здесь? – довольно спокойно и твердо спросил у жены Кирилл Алексеевич Дуров, директор московского музейного комплекса. – Я просто не представляю. Вот все сотрудники ушли на фронт. Только Серафим Матвеевич и Боренька остались. Но одному уже 79 лет, а второй – со своей язвой, вообще непонятно, в чем душа держится. А остальные все дамы. И я тут, среди вас, хотя должен быть там – Родину защищать от врага, – Кирилл Алексеевич энергично махнул в сторону воображаемого фронта.

– Я все понимаю, Кирочка, но у тебя же административная должность, это не шутки. За тобой коллектив, фонды, я, в конце концов, – отозвалась супруга.

Она почти всегда соглашалась с мужем, но в итоге все почему-то получалось так, как хотелось и мыслилось ей. Эта тактика была практически неосязаемой и создавала иллюзию, что все начинания полностью поддерживаются супругой. Однако на стадии реализации мягко и ненавязчиво в план действий вносились коррективы, в результате чего изначальная идея могла полностью преобразиться. Кирилл Алексеевич пару раз пытался проанализировать итоговый результат, но, видя, с какой любовью его жена о нем печется, отбрасывал идею что-то выяснять и спрашивать.

– Фонды – это прекрасно, – согласился Кирилл, – но у меня же есть аж целых два заместителя, да и ты им поможешь, если что. Ведь поможешь же, Наденька?

– Конечно, как ты можешь даже подумать, что будет иначе, – сказала супруга, – но кто же будет тушить зажигалки? Мы с тобой дежурим по ночам, уже четыре штуки сбросили с крыши. Разве этого мало для борьбы с врагом? Мы спасаем уникальное культурное наследие. А твое сердце, как же твое больное сердце? Вспоминай, как тебе было плохо после последней бессонной ночи.

– Потом же все нормально стало, чуть прилег, пятьдесят граммов коньячка…

– Кирочка, кто же тебе, мой дорогой, там, на фронте, даст прилечь, а тем более коньяка? – искренне удивилась Надежда.

– Наденька, пожалуйста, не стоит все низводить до бытовых трудностей, – попросил Кирилл Алексеевич, – я же рассказывал тебе, как работал фонарщиком до революции. Ох, какой непростой это хлеб был. А тиф, а голод? А потом, когда меня арестовали в 36-м? Там, в тюрьме, мыши дохли от голода и холода…

А тут и обмундирование будет, и довольствие. И потом, не это главное. Ты же прекрасно понимаешь, что тут главное. Враг на нашей земле, к Москве рвется. Почитай, часть нашей территории и треть советских людей под гнетом. Если немец столицу возьмет, то зачем вообще наш музей, театр, парк? Кто будет этим всем пользоваться? Молчишь? То-то.

Так что, родная, уж не обессудь, завтра же пойду снова в добровольцы записываться. А то набор еще с июля ведется, а меня до сих пор не взяли.

– И правильно, Кирочка, – обеспокоенно проговорила Надежда, – что тебе военком сказал, помнишь? Спасибо вам, Кирилл Алексеевич, но мы набрали почти 160 тысяч человек, а ваши знания нужны в тылу. Надо музеем заниматься, часть экспонатов в эвакуацию отправить, остальное сохранить. Я в «Правде» читала, что аж 12 дивизий было сформировано. Это сколько же человек, а? Тысячи… Что, они не могут фашистов победить?

– Да, я знаю, мне Лидия Матвеевна, супруга нашего водителя, который добровольно ушел на фронт, его письмо читала, – подтвердил Кирилл Алексеевич. – Он гордился, что их в сентябре переформировали в стрелковые дивизии РККА.

– Да, переформировали… Я с Лидочкой говорила-говорила, – тихо сказала Надежда, – они месяц назад оказались на направлении главного немецкого удара. Никифор ее без вести

пропал. Говорят, что все они попали в окружение и погибли. Особо теперь и узнать не у кого. Я так не хочу, Кирилл, слышишь, не хочу.

– А так и не будет, Наденька, все будет хорошо, – бодро отозвался Кирилл Алексеевич, – пойдем чайку попьем, а то чего-то зябко становится.

Через четыре дня Надежда провожала Кирилла Алексеевича на фронт. Было хмурое, почти туманное утро. Конец октября 1941 года выдался довольно теплым, но лужи к утру подмерзали. Дуровы стояли на крыльце дома, построенного специально для работников музея. Он был деревянным сверху, с отштукатуренным низом, и располагался возле небольшого парка. Террасу украшали портик и бетонные львы, на которых сидели дети музейных работников, воображая, что это мотоциклы.

– Береги себя, пожалуйста, Кирочка, – сдерживая слезы, сказала Надежда. – Не забывай, я тебе положила сердечные капли, их надо принимать утром. Не кури там, пожалуйста, тебе категорически не рекомендовано. Теплые носки и белье надевай, как только похолодает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.